
Н. Н. ЗАРУБИНА

УПРОЩЕНИЕ МАССОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК КАК ВЕКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СЛОЖНОМ СОЦИУМЕ*

Современное общество становится все более сложным, это требует выработки новых способов адаптации к его многообразию и быстрым трансформациям. Востребованность социальных действий в условиях растущей сложности отстает от реальной готовности большинства к таким действиям. Поэтому ответной реакцией на вызовы становится упрощение, выраженное в стандартизации и архаизации – локальных тенденциях в рамках общего процесса структурного усложнения.

***Ключевые слова:** сложное общество, повседневная жизнь, упрощение, стандартизация, архаизация.*

Становление нового подхода к анализу современного общества: социологическая теория сложности

В начале XXI века в западной и отечественной социологии получила распространение концепция «сложного общества». Она имеет определенное сродство с классическими представлениями Г. Спенсера о социальной эволюции как возрастании «сложности» и «упорядоченности» социальной организации. У истоков современной концепции «сложного социума» стоит известный английский социолог Дж. Урри, который в работе «Глобальная комплексность» (Urry 2003) писал о намерениях «переосмыслить сами основы социологии... Ее больше невозможно представлять ограниченной национальными обществами». Автор отмечает, что «выработал некоторые новые правила социологического метода, чтобы анализировать дезорганизацию, глобальные потоки и закат «власти “социального”», особенно в контексте отношений того, как «время и пространство трансформируются в глобализирующемся мире» (*Ibid.*: IX, X).

В основе представлений Урри о «повороте сложности» в современной социологии лежит синтез теоретико-методологических

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00112-а.

подходов социальных и естественных наук, исследующих природу в качестве «активной и креативной субстанции» (Уггу 2003: 12–13). В анализ современного глобального социума привносится представление о динамике хаоса и порядка, нелинейных трансформациях социального пространства и времени, о единстве социального и природного. При этом Урри подчеркивает, что не отказывается от системного подхода к социуму, но решительно возражает против сведения свойств системы к качеству и взаимодействиям ее элементов, к единой иерархически выстроенной структуре, развивающейся на основе предсказуемых принципов. Это не означает, что сложная система не имеет организации вообще, однако эта организация приобретает иную природу, нежели простые системы, характеризуется высоким уровнем неопределенности и непреднамеренных последствий, эмерджентных связей (*Ibid.*: 13, 19–22).

Российский исследователь сложного социума С. А. Кравченко относит к его признакам возрастание значения самоорганизации и рефлексивности социальных акторов и структур, открытость с ее амбивалентными последствиями в виде возникновения качественно новых рисков, возрастание скорости, нелинейности и альтернативности социальных изменений, трансформации социального времени и пространства, виртуализацию социальной реальности, плюрализацию рациональности и др. В качестве проявлений усложнения социума он называет: возникновение «парадоксальных разрывов и синтезов», проявляющихся в отсутствии единой системы ценностей и норм и в сосуществовании в едином культурном пространстве ранее антагонистических ценностей; временной диссинхронизации как сосуществование различных по темпам развития структур, нередко относящихся к различным темпомирам; отсутствие единой логики и единой скорости развития различных сфер социальной деятельности и разных социальных групп. Усложнение социума порождает новые риски, которые, в свою очередь, приобретают иные параметры сложности и динамичности (Кравченко 2012: 12–48, 93–94).

Сложное общество требует от социальных акторов способности к самотворению и самоорганизации, умения постоянно отслеживать ситуации и принимать оперативные решения с учетом непреднамеренных последствий функционирования социальных институтов, готовности отказаться от привычных практик в условиях ценностно-нормативного плюрализма. Вследствие усложнения возникают новые вызовы как для системы управления, политической

организации, хозяйственной деятельности, так и для повседневной жизни людей.

Принципиально важным является замечание Урри о том, что сложные системы не имеют общего и единого вектора развития. Потому для современной социологии неприемлема эвристическая ориентация ни на общий прогресс, ни на рациональное целодостижение и полностью нормативно организованные и контролируемые процессы. Анализ сложных систем всегда должен предполагать непреднамеренные последствия социальных действий, попятные тенденции и регресс систем как следствие принципиальной невозможности полного контроля над ними (Urqu 2003: 14).

На уровне повседневности усложнение социальной реальности предполагает выработку новых способов ориентации в непредсказуемо меняющемся мире, а также форм адаптации к его многообразию и быстрым трансформациям. Одним из наиболее массовых способов адаптации становится *упрощение* социальных практик, *сопутствующее росту сложности* общества как его диалектическая противоположность. Стоит отметить, что упрощение как форма противостояния усложнению социума проявлялась на протяжении всей истории в качестве если не массовой тенденции, то локальной, нередко элитарной практики. Она проявлялась в развитии аскетических религиозных практик, предполагающих целенаправленное *опрощение* бытового поведения ради духовного совершенствования, или в идеологии целенаправленного отказа от благ цивилизации, возврата к архаичному образу жизни как более «нравственному» и адекватному человеческой природе (толстовство, гандизм и т. д.). В современном обществе постоянно возникают субкультуры, ориентированные на повседневную аскетизацию, опрощение и в качестве реакции на агрессивную идеологию потребления, и в форме оздоровления, «возврата к природе»: движение хиппи, экопоселения, получающий все большее распространение в экономически развитых странах дауншифтинг и т. д.

Однако все перечисленные тенденции получают ограниченное распространение и при всей их показательности не могут характеризовать массовые процессы в сложном обществе. Сегодня развиваются массовые упрощенные практики, которые становятся ответом на вызовы сложности, позволяющие осуществлять организацию социальной жизни, эффективное целодостижение, удовлетворение потребности людей в предсказуемости и повторяемости, в однозначных рациональных интерпретациях происходящего. Они

позволяют формировать и воспроизводить относительно устойчивый порядок, создают ощущение стабильности и безопасности в условиях растущих рисков.

Упрощение массовых социальных практик в современном обществе обусловливается теми же факторами, которые способствуют и росту сложности. Это прежде всего научно-технический прогресс и развитие телекоммуникационных технологий, процессы вторичной постиндустриальной модернизации и постмодернизации и связанная с ними глобализация. На уровне массовой повседневности упрощение проявляется в *стандартизации* и *архаизации*. Амбивалентное значение упрощенных социальных практик состоит в том, что они сводят все многообразие проявлений сложности общества к простейшим шаблонным действиям, к линейной причинности, но не позволяют индивидам проявлять гибкость и не развивают самоорганизацию. Таким образом, упрощенные социальные практики становятся источником новых рисков, поскольку предполагают отказ от необходимой для сложного общества готовности действовать в постоянно изменяющихся условиях.

Особенности становления сложного общества и соответствующих ему тенденций упрощения массовых социальных практик в современной России состоят в неорганичном характере постсоветской модернизации, которая сама по себе активизировала деструктивные процессы, архаизацию и деградацию в различных областях повседневной жизни.

Стандартизация повседневных практик в сложном обществе

Процесс модернизации общества требует адаптации больших масс людей, не всегда подготовленных к действиям в условиях усложнения социальных практик. Повышение среднего уровня образования, профессиональной квалификации, усложнение предметного окружения в повседневной жизни в масштабах общества порождает в качестве способа адаптации нарастающую *стандартизацию*. В условиях массового общества стандартизация позволяет обеспечить должный уровень качества и безопасности продуктов и услуг, рациональности использования ресурсов, совместимости технических устройств и кодирования информации, сопоставимости результатов различных видов деятельности и т. д. Однако при этом стандартизация неминуемо сопровождается *упрощением* сложных процессов путем сведения их к системе шаблонных рациональных действий, позволяющих эффективно достигать по-

ставленных целей в сферах производства, потребления, повседневной жизни без учета конкретных условий и соответствующей им качественной специфики.

Стандартизация приводит к преобладанию количественных и формальных критериев эффективности над качественными и содержательными в различных видах деятельности. В современном обществе она получает повсеместное распространение не только через принятие различными институтами и организациями стандартов, регулирующих их деятельность, но и через развитие *макдональдизации*. Автор концепции, американский социолог Дж. Ритцер, показал, как ее основные принципы – эффективность, калькулируемость (перевод качественных параметров в количественные), предсказуемость и технический контроль – распространяются на разные сферы массовых повседневных практик. «Макдональдизированные» образование, медицинское обслуживание, развлечения, информация, потребление товаров и услуг обеспечивают большим массам людей эффективное достижение стандартизированных целей на достаточно высоком уровне качества и безопасности, однако без учета индивидуальных особенностей и без применения высокопрофессиональных, сложных, виртуозных технологий и методов производства (Ritzer 2000: 64, 77–78).

В целом «макдональдизация» обеспечивает стандартизированное структурирование ролевого поведения в различных областях социальной деятельности, что делает поведение людей более предсказуемым, контролируемым и управляемым. Однако последствием макдональдизации, как отмечает С. А. Кравченко, становится дегуманизация стандартизированных социальных практик, из которых выхолащивается их социальное, культурное, эмоциональное содержание. Происходит уменьшение «творчески-критического восприятия информации и как следствие уменьшается интеллектуальная созидательность и гуманистическая составляющая жизнедеятельности» (Кравченко 2012: 127).

Не все социальные практики поддаются стандартизации в равной степени успешно. Во многих случаях стандартизация как сведение качественных характеристик к количественным, содержания – к формальным принципам организации, личностных отношений – к безличным приводит к искажению сущности специфических форм деятельности. Так, система ЕГЭ с заменой классических экзаменов и сочинений на тесты подвергается справедливой критике за невозможность с ее помощью выявить подлинно одаренных выпуск-

ников средних школ, раскрыть индивидуальные способности и профессиональную пригодность абитуриентов. Стандартизация требований к оценке эффективности научных исследований, состоящая в применении к ним количественных и формальных критериев (объем текста, количество публикаций и ссылок, индексы цитирования и т. д.), не всегда позволяет достоверно оценить реальный вклад того или иного ученого или коллектива в развитие научного знания. Это всем хорошо известно, однако потребность в единых основаниях для сопоставления результатов, в объективности и беспристрастности, в предсказуемости и управляемости снова и снова побуждает подменять сложную профессиональную экспертизу использованием стандартов, внедрять упрощенные шаблоны в те сферы жизни, где они нередко оказываются деструктивными. Непреднамеренным последствием стандартизации оказывается выработка на повседневном уровне множества неформальных алгоритмов, позволяющих достаточно легко обходить формальные нормы. Однако подобные проявления самоорганизации социальных акторов приводят к усиленному проникновению межличностных отношений в те сферы деятельности, которые в современном обществе должны носить деперсонифицированный характер, то есть к коррупции.

Стандартизации как упрощению социальных практик в сфере материального и духовного производства соответствуют и аналогичные процессы в сфере потребления. Упрощенные шаблонные действия, стандартизированные инструкцией по применению, становятся реакцией на усложнение потребляемых предметов и технологий. Предметный мир традиционного человека был технически гораздо проще и однообразнее, но это был «прирученный» предметный мир, каждый элемент которого был полностью доступен и пониманию, и техническим возможностям обычного человека. Напротив, рядовой пользователь сложной бытовой техники, средств связи, компьютеров, автомобилей и т. д. всегда ощущает дистанцию с современным предметным миром, поскольку не знает, как устроены предметы из его повседневного окружения, и в их использовании не в состоянии выйти за рамки инструкции.

Между человеком и его сложным предметным окружением теперь непременно должен находиться посредник-специалист, обладающий особыми знаниями и навыками (по ремонту, обслуживанию, настройке и т. д.). В результате происходит сокращение числа навыков и умений, которые постоянно используются в повседнев-

ной жизни: все меньше людей, в особенности представителей обеспеченных социальных групп и жителей больших городов, умеет шить, вязать, ремонтировать автомобиль и бытовую технику, даже готовить повседневную пищу. Происходит постепенное превращение массового потребителя в зависимого пассивного пользователя, практически не способного самостоятельно манипулировать своим предметным окружением.

Повседневное применение компьютерных технологий, безусловно, являющихся сложными по производству и практическому использованию, также способствует стандартизации и упрощению, которые благодаря им распространяются уже на сами формы мышления и сознания пользователей. Сложное программное обеспечение, необходимое для современных компьютеров и гаджетов, является продуктом высокоспециализированного профессионального труда. Оно задает логику обработки информации, доступную простому пользователю лишь в инструментальном плане, в то время как алгоритм действия компьютерной программы, язык программирования и прочие специальные аспекты даже не предполагают их массового понимания. Рядовой пользователь способен лишь подчиняться заданному алгоритму, следовать правилам, которые заложил в основу его работы с информацией кто-то другой. Соответственно компьютерные технологии, в том числе доступный Интернет, расширяют возможности получения информации, но при этом стандартизируют сами способы ее декодирования и дальнейшей логической обработки. Работающие в различных областях компьютеризированные акторы подчиняются принципам формальной логики, не всегда адекватным необходимости реагировать на сложные вызовы действительности. Показательный прецедент произошел в конце апреля 2013 года в США, когда после террористического акта на Бостонском марафоне в Интернет была вброшена ложная информация о теракте в Белом доме. Компьютеризированные биржевые игроки ответили на нее моментальным падением курсов, поскольку заложенные в них программы не предполагают способности отличать добросовестную информацию от дезинформации. В таких ситуациях, включающих человеческий фактор, машины оказываются беспомощными перед нелинейной логикой человеческого поведения, сопутствующей нарастанию сложности общества.

Потребительское поведение в современном обществе все больше усложняется. Оно ориентировано не столько на утилитарные,

сколько на социальные потребности, не столько на потребление благ, сколько на потребление символов. Есть немало работ, посвященных различным аспектам символического потребления, имеющего основной целью маркирование социальных различий теми способами, которые навязываются господствующим в обществе дискурсом (Бодрийяр 2006; Бурдьё 2004; Ильин 2008). Потребительские практики становятся сложным процессом сознательного выстраивания и презентации собственной идентичности. Излюбленное занятие городских средних и состоятельных слоев – шопинг – уже рассматривается как сложная деятельность по формированию и трансформациям имиджа через использование тонкого языка товаров-символов. Но обратной стороной усложнения потребительских практик в современном обществе оказывается их стандартизация путем навязывания узнаваемых маркеров социальных статусов, групповых принадлежностей, ролей и т. д. Такими маркерами являются популярные бренды, с помощью которых рекламисты навязывают потребителям определенный взгляд на мир и на самих себя. Потребительский выбор при всей его внешней сложности в условиях изобилия товаров утрачивает индивидуальную логику и представляет собой простое следование навязанным извне стандартным образцам. Бренды становятся ориентирами для потребителя, вынужденного постоянно совершать выбор в усложняющемся предметном мире. Они, как детали популярного конструктора “Lego”, позволяют «собрать» собственный образ и с помощью готовых шаблонов обозначить его «индивидуальность» и «уникальность».

Еще одним важным ориентиром действий в непредсказуемо меняющемся и усложняющемся обществе является массовая культура. Именно она тиражирует *упрощенные стандартизированные схемы* социальных ролей, структурирующие возможные сложные ситуации, предлагает массовой аудитории шаблоны, по которым можно действовать и эффективно достигать целей, предлагаемых обществом в качестве легитимных. Эта доступность достигается, как подчеркивал Б. С. Ерасов (2000: 411), «через банализацию и упрощение объяснительных причин и обстоятельств, сводимым обычно к хорошо узнаваемым различиям “свои – чужие”, “хороший – плохой”, “доброта – жестокость”, “случай – повседневность”. Обращаясь к низовым и повседневным сферам поведения, массовая культура утверждает понятные и стереотипные представления о человеческих отношениях».

Стандартизация, таким образом, становится необходимым способом упорядочения и стабилизации социальных практик в условиях усложнения производственных, потребительских, интеллектуальных форм деятельности. Хотя она, как правило, представляет собой их существенное упрощение, благодаря которому и становится возможным выстраивание относительно предсказуемых, управляемых и эффективных стратегий на массовом уровне.

Архаизация социальных практик как «непреднамеренное последствие» усложнения социума

Наряду со стандартизацией, развивающейся на институциональном уровне, на микроуровне усложняющегося общества происходит *архаизация*, т. е. стихийное обращение к повседневным практикам, почерпнутым из прошлого, как к способу адаптироваться к сложности через поиск «простых» ответов. Архаизация представляет собой более или менее осозанный, добровольный или вынужденный отказ от передовых достижений в различных областях жизнедеятельности как реакцию на недоступность последних, невозможность приобщения к ним в силу недостаточности институциональных условий их освоения. В отечественном социальном знании к проблематике архаизации как реакции на модернизацию общества сверху, неадекватную потребностям и возможностям масс, обращались А. С. Ахиезер, Б. С. Ерасов, А. С. Панарин и др. (Ахиезер 1997; Ерасов 2002; Панарин 2003).

Архаизацию как стихийное воспроизведение практик, характерных для прошлого, не следует путать с традиционализмом и неотрадиционализмом, являющимися сознательным поиском в культурном наследии элементов, интерпретируемых как плодотворные источники витальности общества и его будущего развития, а также с фундаментализмом, целенаправленно отрицающим инновации. В то же время в данном исследовании я не рассматриваю архаизацию как деградацию общества и воздерживаюсь от использования понятий, коррелирующих с прогрессом или регрессом.

Архаизация не связана непосредственно с ростом преступности и отклоняющегося поведения, с дегуманизацией общественных отношений, хотя нередко и сопутствует им. Она представляет собой не асоциальное, а упрощенное поведение как сознательный отказ от освоения новых, более сложных социальных практик. Поэтому я согласна с российской исследовательницей Ч. К. Ламажаа (2013), уви-

девшей в архаизации адаптивный механизм, позволяющий определенным социальным группам сохранять жизнеспособность в условиях быстрых и неорганичных для них социальных трансформаций через возврат к ценностям и практикам прошлого. На уровне индивидуального поведения архаизацию можно сравнить с фрейдовской *регрессией* – механизмом самозащиты человеческого «я» в условиях невозможности адекватного ответа на психокультурные травмы, обусловленные растущей сложностью внешнего мира (Фрейд 2003). В то же время в современной России процессы архаизации не только сопряжены с включением в общемировые тенденции развития сложного социума, но также обусловлены и усилены специфическими условиями неорганичной модернизации.

Наиболее ярко тенденции архаизации в условиях сложного общества проявляются в социальных анклавах, образующихся вследствие «исключающего развития». Это понятие ввел М. Кастельс (1999) для обозначения постоянного реструктурирования территорий и мест под воздействием логики социальных сетей и информационных потоков, которое приводит к исключению целых регионов, а также связанных с ними социальных групп из глобальных взаимодействий. В сложном обществе происходит разделение на анклавы, включенные в процессы глобализации, информатизации и ставшие реальной частью мирового сообщества и глобальной культуры, и на маргинальные анклавы, которые представляют собой «некоммуникабельные пространства нефункционального и дисфункционального толка» (Кравченко 2010: 31). Это группы, не воспринимающие культурные инновации, ощущающие себя исключенными из общественной жизни, фактически оказывающиеся вне общества. Причем если логика вторичной модернизации предполагает постепенное преодоление маргинализации и ликвидацию отсталости, то глобализация и логика постмодерна подобного универсального прогресса не предполагают. Неспособность этих социальных анклавов адаптироваться к усложняющемуся социуму порождает непрерывное воспроизводство «глубокой периферии» с ее бедностью и отсталостью в качестве *системного элемента* глобального мироустройства. Именно на базе этих групп происходит архаизация как адаптация через отказ от сложных современных форм хозяйственной и профессиональной деятельности, социального, культурного, политического участия. Таким образом, наряду с модернизацией и инновационным развитием в наиболее совре-

менных анклавах в других происходит архаизация как утрата достигнутого ранее культурного уровня.

Архаизация на социальной базе «исключающего развития» становится обратной стороной усложнения и интенсификации хозяйственных, информационных, ресурсных, человеческих и других потоков в современных анклавах. Весьма интересны наблюдения В. И. Ильина (2010: 33), который рассматривает присущий современной России антагонизм столицы как центра притяжения глобальных финансовых, информационных, миграционных и иных потоков и усложнения социальной жизни и глубинки как «части социокультурного пространства, относительно изолированной от основных его потоков, характеризующейся их относительно низкой интенсивностью и плотностью». По мнению Ильина, у нас в стране не только не происходит гармонизации отношений столицы и глубинки с целью использования ее ценнейшего стабилизационного потенциала, но и развитие столиц обеспечивается за счет архаизации глубинки. Так, модернизация железнодорожного сообщения между Москвой и другими крупными центрами (Санкт-Петербургом, Нижним Новгородом и др.), как это ни парадоксально, выступает фактором еще большей изоляции глубинки: поезда наращивают скорость за счет сокращения количества остановок на промежуточных мелких станциях, сокращается количество пригородных поездов. В результате жители глубинки остаются без самого доступного транспорта и регулярной связи с центрами современного развития.

К возникновению «исключенных» социальных анклавов в России привели неорганичные реформы экономики 90-х годов XX века. В период спада производства, невыплат зарплат, закрытия предприятий активизировались архаичные формы хозяйственной деятельности, такие как самообеспечение продуктами питания с приусадебных хозяйств, дачных участков, прямые бартерные обмены

и т. д. Кризисная ситуация в экономике провоцировала рост теневой, неформальной хозяйственной деятельности, а также вынужденного предпринимательства в архаичных формах «челночного» бизнеса. Серьезной проблемой стала декавалификация рабочей силы, деградация человеческого капитала, вызванная закрытием и перепрофилированием высокосложных современных производств, в особенности в области машиностроения, электроники и т. д. Исследователи обращают внимание на отсутствие у заметной части

россиян карьерных устремлений: лишь 12 % мечтают о хорошем образовании, 15 % – о собственном деле, 7 % мечтают устроиться на хорошую работу и 4 % – приобрести известность и уважение. В то же время «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, не считая копейки» мечтают 40 % россиян (Горшков и др. 2013: 23).

В результате в стране отмечается серьезная нехватка квалифицированных рабочих для восстановления и развития современных высокотехнологических производств. Исследователи приходят к выводу, что сложившийся в России тип экономических отношений «тормозит развитие производительных сил», не только не стимулирует рост человеческого капитала, но и способствует относительной деквалификации как среди рабочих и обслуживающего персонала, так и среди управленцев (Готово... 2010: 72). Многие из существующих форм занятости не ориентированы на повышения уровня современных навыков и умений и способствуют архаизации труда: среди рабочих постоянно или хотя бы иногда пользуются компьютером лишь 13 %, в целом 58 % работающих россиян не используют навыки работы на компьютере (Там же: 72–73).

Здесь налицо сознательный или вынужденный отказ от освоения современных форм деятельности в пользу воспроизводства более простых, даже если они уже стали прошлым. Регулярное повышение квалификации пока не стало нормой для российских работников, значительная часть которых довольствуется имеющимися навыками и не связывает с их обновлением свой профессиональный рост.

Консервации архаичных форм профессиональной деятельности способствует и опережающее развитие «третичного сектора», или сферы услуг, в которой в экономически развитых странах заняты более 60 % работающих. Эта тенденция характерна для всех экономик, прошедших стадию индустриального модерна и вступивших на путь информационного развития. В этом секторе востребованы как высококвалифицированная рабочая сила в области деловых услуг (финансы, маркетинг и т. п.), здравоохранения, образования и культурно-просветительской деятельности, так и неквалифицированная в сферах торговли, сервиса, охраны и т. п. Здесь, даже несмотря на растущую автоматизацию и компьютеризацию, воспроизводятся примитивные формы труда, позволяющие

довольствоваться низким уровнем квалификации и не заботиться о его повышении.

Такая работа не требует и серьезного осознания собственного места в общественном производстве, не способствует формированию профессиональной идентичности и солидарности, умению выстраивать перспективы саморазвития через целеполагание и создание образа будущего. Ответной реакцией на усложнение у наименее подготовленной части населения, в том числе у молодежи, становится уход от участия в решении социальных проблем, отказ от самоорганизации в пользу принятия стратегии пассивной адаптации и выживания (Зарубина 2012). Вместо активного социального творчества люди возвращаются к зависимости от решений, принятых другими, – органами власти, политическими лидерами и партиями и т. д. По данным Института социологии РАН, «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» мечтают 33 % респондентов, однако быть полезным обществу, внести «свою лепту» в развитие России – лишь 11 % (Горшков и др. 2013: 23). В 2010 году по сравнению с 2003 годом доля респондентов, не участвующих ни в одной из тестируемых форм общественной жизни, возросла с 56 % до 70 % (Готово... 2010: 95).

Пассивность и архаичные адаптивные стратегии проявляются не только в профессиональных и общественно-политических, но и в досуговых практиках части россиян. Еще К. Маркс в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.» указывал на свободное время как важнейшую форму общественного богатства: именно оно становится ресурсом для развития творческого потенциала человека. Но для того, чтобы досуг выполнял функцию развития человеческого потенциала, он должен быть содержательным, а не сводиться к архаичным формам отдыха как простого «ничегонеделания» и не расходиться на выполнение рутинной домашней работы.

Социальные мыслители XX века предполагали, что рост сложности общества, в особенности появление новых форм высококвалифицированного труда в информационной сфере, в XXI веке должны способствовать и распространению более сложных форм досуга, ибо высокоинтеллектуальные работники нуждаются в соответствующих формах рекреации (Нэсбитт, Эбурдин 1992). Однако в реальном обществе высоких информационных технологий и сложных социальных процессов приходится констатировать стабильное воспроизводство пассивных форм домашнего досуга как

«просто отдыха» (49 %), а также работы по дому (47 % – по данным 2012 года). Не наблюдается роста сложных современных, внедомашних форм досуга и досуга-участия, ориентированного на развитие человеческого капитала, – участия в работе общественных организаций, получения дополнительного образования, посещения клубов по интересам и т. п. В целом насыщенность досуга россиян не растет, а снижается (Горшков и др. 2013: 222).

Тенденции архаизации в усложняющемся российском обществе проявляются и в воспроизводстве архаичных форм социальных отношений, к которым можно отнести преобладание близких, личных социальных связей над дальними и безличными связями в деловых, профессиональных, трудовых и прочих практиках. Это выражается в распространенности обращения к помощи родственников и друзей («блат»), к патернализму при слабой эффективности институциональных, т. е. формальных, деперсонифицированных, способов решения различных проблем, например поиска работы, получения квалифицированной медицинской помощи и т. д.

Сохранением архаичных межличностных связей и патернализма можно объяснить и воспроизводство в картине мира значительной части людей архаичных аскриптивных ориентаций в этнических, конфессиональных, мировоззренческих и субкультурных контекстах. Утверждение принципов формального равенства, секуляризма и толерантности к культурным, этническим и другим различиям, характерное для обществ модерна, в условиях роста динамической сложности приводит к культурным травмам и разрывам как следствию сосуществования и взаимодействия коллективов с различными, порой несовместимыми культурами (Штомпка 2001: 12). Неспособность адекватно реагировать на культурные различия провоцирует возврат к архаичным формам противостояния, вспышки ксенофобии, расовой, национальной, религиозной вражды и насилия. По данным социологов, 68 % опрошенных в 2011 году откровенно признались, что «испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей». Причиной раздражения и неприязни для 65 % оказывается негативное восприятие поведения представителей других культур («ведут себя как хозяева»), а для 39 % – *сами по себе различия* в поведении и образе жизни. Более 40 % опрошенных согласны с тем, что для отстаивания интересов «своего народа» хороши все средства, включая насилие (Двадцать... 2011: 210–211).

Упрощение социальных практик и восприятия сложного общества проявляется и в актуализации форм сознания, которые, казалось бы, должны уйти в прошлое по мере рационализации («расколдования мира», в терминологии М. Вебера) и развития науки и техники. Социологи характеризуют современную ситуацию в российской культуре как «ренессанс традиционализма» вследствие частичной десекуляризации сознания россиян и ослабления веры в науку и прогресс (Готово... 2010: 107). В качестве реакции на усложнение реальности распространяются массовые увлечения магией, колдовством и оккультными знаниями, языческими обрядами, а давно отжившие суеверия получают статус «народной мудрости». Даже среди людей, называющих себя православными или внеконфессиональными верующими, ради исполнения своих мечтаний 6 % обращаются к услугам экстрасенсов, магов, колдунов, гадалок, астрологов и т. д. (Горшков и др. 2013: 251). От необходимости постоянного отслеживания и анализа быстро меняющейся реальности с ее разрывами преемственности, непредвиденными и эмерджентными последствиями событий, сложной поликаузальной причинностью часть людей уходит к простым объяснениям сложных процессов сверхъестественными, мистическими причинами. Газеты пестрят рекламой оккультных услуг разного рода, ни один уважающий себя утренний телеканал не обходится без гороскопа на текущий день, даже политики, как известно, обращаются не только к экспертам, но также к астрологам и гадалкам. Можно согласиться с исследователями, утверждающими, что «по контрастности и драматизму противоборства сил разума и невежества XXI век в чем-то очень напоминает XV–XVI века европейской истории» (Красин 2013: 125).

Возврат к глубоко архаичным верованиям и оккультным практикам является обратной стороной развития рационального знания, науки и технологий, т. е. усложнения картины мира и увеличения возможностей человека. Всемирно известный специалист в области массовой культуры У. Эко справедливо утверждает, что современная вера в магию порождена упрощенным пониманием сути науки и ее возможностей. Дистанция между обывателем и ученым настолько велика, что деятельность последнего представляется мгновенным достижением целей, а длительный путь исследований, выдвижения и проверки гипотез, экспериментов, апробации результатов опускается. Недоступность сложных технологий пониманию рядового потребителя приводит к тому, что логика и механизм по-

лучаемых результатов, вся цепочка причин и следствий остается от него скрытой, а желаемая цель воспринимается как последствие простого нажатия кнопки. Мгновенный переход от цели к результату и есть волшебство, магия: «...ученого легко возвышают до статуса мага. Но стоит ученому замешкаться с выдачей проверяемого результата, он будет объявлен шарлатаном, в то время как колдуньи, выдавая результаты непроверяемые, но эффективные, получают приглашения на ток-шоу» (Эко 2012: 212).

Современная наука не может предложить не только надежных рецептов решения экономических и социальных проблем, лекарств от всех болезней, дешевых и безопасных источников энергии, но и целостной, непротиворечивой картины мира. Однако люди в массе своей не могут удовлетвориться знаниями частичными и противоречивыми, поэтому стремятся достроить их до целостности с помощью мистических и оккультных скреп. Это упрощение, вызванное к жизни именно сложностью картины «расколдованного» мира.

Востребованность социальных действий в условиях сложности отстает от реальной готовности к таким действиям большинства. Поэтому ответной реакцией на вызовы становится упрощение, выраженное стандартизацией и архаизацией – локальными тенденциями в рамках общего процесса структурного усложнения. В упрощении социальных практик в форме архаизации проявляется нелинейная социокультурная динамика сложного социума, включающая не только развитие, но и попятные движения.

Литература

Ахнезер, А. С. 1997. *Россия: критика исторического опыта*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Бодрийяр, Ж. 2006. *Общество потребления*. М.: Республика; Культурная революция.

Бурдьё, П. 2004. Различение: социальная критика суждения. В: Радаев, В. В. (ред.), *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики*. М.: РОССПЭН, с. 537–568.

Горшков, М. К., Крумм, Р., Тихонова, Н. Е. (ред.). 2013. *О чем мечтают россияне. Идеал и реальность*. М.: Весь Мир.

Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М.: Ин-т социологии РАН, 2010.

Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад. М.: Ин-т социологии РАН, 2011.

Ерасов, Б. С.

2000. *Социальная культурология*. М.: Аспект Пресс.

2002. *Цивилизации: Универсалии и самобытность*. М.: Наука.

Зарубина, Н. Н. 2012. Этика ответственности современной российской молодежи. *Вестник МГИМО-Университета* 6: 250–258.

Ильин, В. И.

2008. *Потребление как дискурс*. СПб.: Интерсоцис.

2010. Российская глубинка в социальной структуре России. *Журнал социологии и социальной антропологии* 13(4): 25–47.

Кастельс, М. 1999. Становление общества сетевых структур. В: Иноземцев, В. Л. (ред.), *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. М. URL: <http://ido.edu.ru/ffec/philos/chrest/g17/kastels.html>.

Кравченко, С. А.

2012. *Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности*. М.: МГИМО-Университет.

2010. Социальные реалии и социология: подходы. *Россия реформирующаяся. Ежегодник*. Вып. 9. М.: Новый хронограф, с. 24–42.

Красин, Ю. А. (ред.). 2013. *Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией. Политологические очерки*. М.: Ин-т социологии РАН.

Ламажаа, Ч. К. 2013. *Архаизация общества: Тувинский феномен*. М.: URSS.

Нэсбитт, Дж., Эбурдин, П. 1992. *Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000*. М.: Республика.

Панарин, А. С. 2003. *Стратегическая нестабильность в XXI веке*. М.: Алгоритм.

Фрейд, З. 2003. *Введение в психоанализ*. Лекция 22. СПб.: Азбука-Классика.

Штомпка, П. 2001. Культурная травма в посткоммунистическом обществе. *Социологические исследования* 1: 3–12.

Эко, У. 2012. Наука, технология и магия. В: Эко, У., *Полный назад!* М.: Астрель, с. 250–258.

Ritzer, J. 2000. *The Macdonaldization of Society*. Los Angeles: Pine Forge Press.

Urry, J. 2003. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press.